

Неопубликованная рукопись из коллекции Музея уникальных вещей
(фрагменты романа)

Записка, предваряющая роман

Этот роман был написан в 1998–1999 годах, когда цунами еврейской репатриации из бывшего СССР в Израиль улеглось, но вызванные им проблемы остались. Ведь здесь, на крохотном клочке выжженной солнцем и перепаханной войнами земли. История свела оказавшихся по воле судьбы в разных цивилизациях две ветви одного народа: выходцев из Европы и мусульманских стран. А потому просто не могли не столкнуться между собой индивидуалистический рационализм Запада и племенные традиции Востока. Конфликт этот в сегодняшнем мире еще более глобален и остер, но нигде еще не носил столь ярко выраженный внутриэтнический характер.

Сюжет романа построен на фоне назревающего в стране военного переворота. Его, естественно, никогда не было и, надеюсь, не будет. Но именно такой обостренный сюжетный ход позволяет понять, в чем причины и следствия этой уже гноящейся культурной и социально-политической трагедии современности.

Зорий Шохин
СУДНЫЙ ДЕНЬ

(фрагмент первый)

Телекорпорация «Си-Эн-Эн». 10.9.199... какого – то года. Время: 20 часов 37 минут

Экстренное сообщение из Иерусалима...

Двадцать минут назад, сразу после окончания одного из важнейших еврейских праздников - Судного дня, была внезапно прервана передача первого канала израильского телевидения. Полковник Гай Шрем сообщил о военном перевороте.

Наш корреспондент передает: члены хунты — офицеры в возрасте тридцать плюс. Старший по званию и, видимо, по возрасту — полковник Гай Шрем. Совершенный ими переворот — результат междоусобных стычек и столкновений между выходцами с Востока, в основном, из Северной Африки и недавними эмигрантами из России, Украины, Белоруссии и Прибалтики. Несмотря на драматический поворот предшествовавших событий, такой развязки здесь, в единственной на Ближнем Востоке демократической стране, никто не ожидал.

Джим, слово вам:

— Столица Израиля в шоке. По улицам циркулируют армейские машины и бронетранспортеры. Стрельбы не слышно. Люди встревожены и подавлены. Телепередачи всех телевизионных каналов, кроме первого, прекращены. Есть слухи, что хунту поддержали другие воинские части. Но как все сложится дальше, пересказать невозможно...

Все произошло, Чарльз, как вы и говорили, крайне неожиданно. За полтора часа до окончания Судного Дня, когда жизнь в стране полностью замирает, заговорщики захватили центральное телевидение, израильский парламент - Кнессет и несколько других важных объектов, где в связи с праздником охрана была минимальной. В октябре семьдесят третьего также внезапно начали военные действия египтяне на Синайском полуострове и сирийцы - на Голанских высотах. Для страны это стало долго незаживающей раной.

Захват власти военной хунтой спровоцировала усилившаяся в последнее время враждебность между традиционно ориентальной и европеизированной частями населения. Политический истеблишмент недооценил возможные последствия кровавых разборок в стиле мафии. Отставка премьера Давида Альмагора, скандал вокруг земельных операций и беспрецедентная по своему накалу предвыборная борьба между двумя основными кандидатами на его пост - Азриэлем Маозом и Герцлем Тамиром — нарушили неустойчивое равновесие в отношениях между разными общинами. Вновь во всей серьезности стал на повестку дня вопрос: евреи - религия или нация?..

Турецкое телеграфное агентство. 10.9.199... какого – то года. Время: 21 час 27 минут

Представитель американских секретных служб в Стамбуле Джерри Киржнер подтвердил, что спецсамолет доставил сюда высланных военной хунтой из Израиля обоих кандидатов в премьеры и сопровождающих их лиц. Официальной реакции из Вашингтона пока не последовало. В ответ на высказанное нами удивление Киржнер заявил, что ее следует ждать лишь после того как обстановка прояснится.

Агентство «Франспресс». 10.9. 199... какого – то года. Время: 22 часа 14 минут

Наш корреспондент взял интервью у смещенного заместителя израильского премьера Азриэля Маоза:

- Господин министр, пока еще бескровный военный переворот в Израиле – это результат межобщинного конфликта, который перерос в настоящие уличные баталии. Кто по – вашему стал невольным катализатором эскалации в связи с выборами: низы или политическая верхушка? Судя по вашим речам...

- Военное преступление, совершенное членами хунты, вопиет о возмездии. Впервые за все годы существования суверенного Израиля кучка безответственных и опаснейших авантюристов посягнула на священные устои демократии и законности, скатилась к преступлению, которому нет и не может быть прощения. О какой бескровности вы говорите если подло убит блестящий ученый, признанный во всем мире интеллектуал и гуманист, депутат Кнессета от нашей партии - Гидеон Ор Лев? Что касается меня, я всегда стоял и буду стоять до конца за социальную справедливость и равные возможности...

Радиокорпорация Би-Би-Си. 10.9.199... какого – то года. Время: 22 часа 48 минут

- Господин Голан, вы - один из старейших и опытнейших политиков Израиля. В течение десятков лет вы занимали самые высокие и ответственные посты в правительстве. Как вы объясните то, что произошло у вас в стране?

- Причину надо искать не в каком-то конкретном случае, а в том вызове, который бросает нам эпоха. С одной стороны, впервые в истории обозначилась готовность добровольного слияния разных народов в единую наднациональную Европу. Ведь раньше объединение могло быть лишь следствием жесточайших войн. Но с другой стороны, и обратите внимание, - в то же время - и обострение межнациональных конфликтов. Что поделаешь: сказываются века гнета, дискриминации, колониальной зависимости. Возьмите те же Балканы, распад Советского Союза, курдский сепаратизм, ситуацию в Северной Ирландии и Квебеке или на Корсике...

Любой механизм, работающий на неоднородном горючем, может быть внезапно охвачен пламенем. Обострилась сегодня ситуация в тех же Соединенных Штатах, никто не сможет дать стопроцентной гарантии, что не начнутся проблемы с черной или испаноязычной частью населения. Все мы — дети своего времени, и если хотим, чтобы цивилизация сохранилась, мы должны научиться взаимной терпимости и уважению друг к другу. Этого, к сожалению, и не учел господин Маоз, построивший свою предвыборную кампанию на раздувании межобщинной розни...

Телекорпорация «Эн-Би-Си». 10.9.199.. какого – то года. Время: 22 часа 41 минута

- Ваши прогнозы, господин Тамир...

- Я верю в израильскую демократию. Я прослужил в армии больше четверти века, прошел через три войны и множество боевых операций и не мог представить себе, что нечто подобное может случиться. Сейчас я понимаю, что во многом виноваты мы сами — политики. Слишком часто мы путаем свои интересы с интересами общества в целом...

Мне безразлично, что будет со мной. Меня заботит лишь судьба нации и государства. И я надеюсь, — этот срыв был первым и станет последним в истории страны.

Одно могу с сожалением признать: военным я был куда лучшим, чем политиком...

Часть 1. Л О В У Ш К А

Тесть принадлежал к тому редкому типу людей, мимо которых никто и никогда не проходит равнодушно. Что бы он ни делал, все и всегда выходило у него азартно, напоказ, с грубоватым, но заразительным смешком и шуточками. Одевался кричаще, выглядел безвкусно, но все, что на нем, было дорогим и настоящим. Свои любимые черные рубашки из чистого шелка с серебряными аппликациями он выписывал из Китая. Внушительный, литого золота, щит Давида на цепочке заказал у дорогого лондонского ювелира. А узконосые лакированные мокасины делал для него итальянский модельер. Таким же неизменным атрибутом его внешности были атласно-белая ермолка — кипа на пышной шевелюре цвета отгоревшего пепла и антикварный, инкрустированный жемчугом портсигар. Бускила уверял, что он принадлежал турецкому султану Абдул Гамиду.

Последнюю свою встречу с тестем Ор Лев сохранил в памяти в мельчайших подробностях, как и ощущение, что из больничной палаты он вышел другим человеком. Опутанный датчиками и трубками Менахем Бускила лежал на приподнятой в изголовье кровати. Слева, как приготовленный для распятия крест, маячила белая стойка с пластиковыми мешочками. Справа вразнобой тикали и позванивали приборы. На миниатюрном экране подслеповато шурилась зеленая змейка кардиограммы.

Пахло больницей и последними часами...

Тесть криво усмехнулся:

— Эй, успел-таки, Гиди, а? Прямо с самолета?

Бускила еле пошевелил исхудавшими пальцами: крупные, с камнями и без, перстни выглядели на них нелепо и угрюмо.

Неузнаваемо изменившийся тесть хитровато подмигнул Ор Леву:

— Не тоскуй, и тебе тоже достанется когда-нибудь такой почет... Только вместо зятя сыновья придут навещать, а у меня их нет. А вообще — какая разница?!

Бускила напрягся и попытался слегка сдвинуться с места. Когда это ему удалось, он, скривившись, усмехнулся:

— А может, они и не успеют... Они ведь у тебя в Америке...

Особой любви оба никогда друг к другу не испытывали, но сейчас тесть старался удержать взгляд зятя.

Самым выразительными на его большом, тронutom оспинами лице были губы. Крупные, мясистые, подвижные они свидетельствовали о здоровом аппетите и жизнерадостном нраве, но и жили как бы отдельно.

Еще недавно тесть был выше и куда шире в плечах, чем зять. На невысокого мелкокостного мужа старшей дочери он поглядывал с легкой снисходительной усмешкой. Но за один лишь год болезни Бускила неузнаваемо изменился. Больничное белье на нем висело, беспомощно обвисшие губы скалились в слабой улыбке.

— Знаешь, зачем я тебя вызвал, Гиди, а? Пришел факс. От Всевышнего! Я ему срочно понадобился... Впечатление было такое, словно прежний Бускила, приподнял маску, и за ней замаячил череп.

— Как вы можете, Менахем?! Вы же религиозный человек! Грех так говорить...

Ор Лев играл заученную, проверенную многими поколениями роль скорбящего свидетеля у смертного одра. Но его всегда спокойные, зеленоватые, с желтой подпалинкой глаза не выдержали напряженного взгляда зятя.

Бускила сморщился и просипел:

— Эй! Я что, мало ему молился?! Мог бы обставить все по-другому...

Внезапно на лице Бускилы появилась шкодливая усмешка.

— Я, конечно, был великим грешником... но думаешь, о чем-нибудь жалею?..

В подтверждение своих слов тесть двинул указательным пальцем.

— Праведники – скопцы! Сами не в состоянии наслаждаться, и другим не дают...

Говорил он с трудом, и Ор Леву захотелось вдруг его успокоить. Но Бускила ненавидел жалость. Хмыкнув, он тяжело и медленно облизал губы, но те снова обвисли.

— Из всех моих четырех зятьев ты — единственный, у кого варит котелок, а не ширинка. И именно ты должен взять на себя ответственность за всю семью...

По лицу Ор Лева пробежала невольная гримаса. Своих зятьев он всегда старался избегать.

Бускила раздраженно шевельнул головой. Отгоревший пепел его шевелюры, всегда намекавший женщинам о неисчерпаемых запасах спермы и лихой похоти, усох и сваялся в больничную вату.

Они и вправду говорили на разных языках. Ор Лев, сдерживаясь, как мог, развел руками:

— Да что я понимаю в финансах?

Бускила прикрыл глаза и нервно задвигал обвисшими губами.

— Тебе и не надо понимать: деньгами есть кому заняться и без тебя. Я плачу за это двум твоим коллегам — профессорам.

Каждое слово он произносил так медленно, словно ему предстояло подняться без остановки на тридцатый этаж, и надо было сохранять дыхание.

— О другом я! Если в семье нет хозяина, она гибнет. Я оставил завещание: без тебя ни один из моих иждивенцев не сможет взять ни гроша из основного фонда. Ты будешь судьей и арбитром...

— Нашли шейха, Менахем... — не сдержавшись, съязвил Ор Лев.

В оживших глазах Бускилы мелькнул осколок озорства.

— Не бойся. Только начни: понравится.

И он тяжеловато подмигнул зятю.

(фрагмент второй)

Несмотря на свойственный ему цинизм, Кугеля нетрудно было растрогать. Этим бесстыдно пользовались его многочисленные родственники — свой семьи у него никогда не было. Старый пройдоха, конечно, хорошо знал им цену — и всем вместе, и каждому в отдельности. Но ему доставляло мексиканское наслаждение, демонстрируя, как он видит их насквозь, по-королевски не отказывать в нижайших просьбах.

Ему бы родиться герцогом в средние века. Или дьяволом — искусителем...

Оказавшись вместе, оба щеголяли один перед другим своими байками. Одна из них, кстати, могла сейчас связать в единый треугольник влиятельного министра, ловкого сутягу и мелкого партийного жучка...

Эту историю Маоз не раз слышал от покойного Бускилы. Тот любил рассказывать ее, заставляя слушателей хохотать до упаду от сочных подробностей и свойственного рассказчику особого актерского шарма. Если бы не абсолютно точный психологический расчет старого плута, она наверняка кончилась бы

как для Кугеля, так и для Дорона Розенталя тюрмой. Суть ее поражала воображение своей наглостью и остроумием...

Однажды под вечер в конторе появился необычный клиент. Света Кугель еще не зажег и сидел за заваленным затхлыми и растрепанными папками столом, похожим на выщербленную временем и невзгодами ацтекскую пирамиду. Секретаршу он отпустил домой и кайфовал, вдохнув в себя добрую порцию нюхательного табаку.

У посетителя было лицо отвергнутого судьбой библейского Иова: несчастья его просто доконали.

Когда он назвал свою фамилию, Кугеля буквально подбросило на его хромоногом, не раз чиненном стуле. Еще хорошо, что клиент из-за тяжелых сумерек не мог разглядеть выражения его лица.

— Дочка выходит замуж, и мне стыдно, и мне стыдно, но я не могу, как будущий свекор, выложить свою половину цены за ее будущую квартиру, — ныл тот.

Кугель понял, что клиент стыдится своего признания. Ерничая, он подмигнул посетителю:

— Идеалисты всегда ходят с голой жопой...

Правда, он тут же раздвинул ширмочку наглой неприступности и продемонстрировал теплоту и доверительность своего характера.

Но клиент отпрянул, и он поспешно замахал руками.

— Чтоб я, Мендель Кугель, не пришел на помощь внуку одного из Отцов Нации? Ведь его именем называют улицы и школы?

Кугель по-настоящему расчувствовался.

— Оставить семье в наследство старую одноэтажную развалюху? И еще в такой дыре? Он ведь когда-то сам вкалывал там на стройке, а?! Це-це-це, вы только подумайте...

Клиент сокрушенно молчал.

Как и всегда, когда он возбуждался, Кугель заговорил на идише.

— Бохер! Твой дедушка все время повторял: честь дороже капитала! Он случайно не сказал тебе, у какого ювелира ее можно заложить?

В голосе старого сутяжника звучало сентиментальное умиление.

Ошарашенный наследник, видно, решил, что с него хватит и встал, чтобы ретироваться. Но Кугель снова удержал его:

— Сынок, моя мама-акушерка принимала роды у твоей бабушки. Неужели ты думаешь, я отпущу тебя ни с чем? Дай-ка подумать...

Он скорбно возвел глаза к небу, демонстрируя какой несправедливой может быть судьба. И вдруг восторженно хрюкнул от смеха: ему в голову пришла забавная идея.

— Ладно, бохер, скажем, тысяч сто тебе хватит?

Клиент прикусил губу. Может, этот замызганный неряха над ним издевается?

Но на Кугеля снизошло вдохновение:

— Что там сто?! Сто пятьдесят! Минимум! Попросим двести!.. Все зависит от тебя... Мне из них пятнадцать процентов и еще малость придется отдать жертве...

Взглянув на несчастную физиономию клиента, он шельмовато ухмыльнулся и пообещал:

— Клянусь тебе честью адвоката: меньше, чем за двести тысяч мы твой палаццо не отдадим, пусть нам отрежут яйца! Хочешь гарантию? Вот тебе в задаток мой собственный чек на десять тысяч. Что смотришь?! Возьми и положи завтра же утром на свой счет. Я знаю, что делаю, не сомневайся...

Кугель выписал чек и разгладил его на столе. Вконец растерянный клиент все еще колебался, но потом, решившись, взял.

А Кугель уже набирал номер телефона Бускилы.

— Менахем? У тебя есть подходящий жучок для одного дельца?

Бускила секунду подумал и предложил:

— Возьми Розенталя...

Кугель остался очень доволен собой и настрого предупредил внука Отца Нации:

— Все! Придешь за деньгами через две недели...

Клиент недоверчиво поглядывал на чек в своих руках. Он не то, чтобы не верил, все еще сомневался в привалившем ему счастье. Это вообще, наверное, свойство стеснительных и не очень уверенных в себе людей.

Кугель насмешливо посмотрел на него из-под очков и погрозил вслед указательным пальцем:

— Только предупреждаю: если ты согласишься продать меньше, чем за двести тысяч, будешь полным шмоком...

Он, наверное, ждал, что к нему явится какой-нибудь рыженький пройдоха вус-вус*, но в облезлую дверь конторы, морщась от пыли и спертого воздуха, протиснулся молодой френк* Красивое и смуглое, но мелкое лицо его оттеняла короткая спортивная стрижка. Впрочем, внешние данные кандидата Кугеля интересовали мало. Бускила есть Бускила. Точка с запятой...

Кугель хитровато прищурился в сторону бускиловского протеза.

— Ну, десять тысяч тебе хватит, шейгец. Получишь их совершенно бесплатно!

Потом он уверял, что если человек никогда не видел, как глаза облизываются, значит у него еще все впереди.

— Что делать надо?

Гадливо приносиваясь к запаху прели и пыли, гость брюзгливо осведомился:

— Как, что?! — искренне изумился Кугель: — Не грабить же! И не воровать! Мы что, преступники, что ли? Люди честные, порядочные. Каждый день молимся, в Судный День постимся...

Жучок недоверчиво вглядывался в старого плута. Но тот был серьезен как патриарх в кресле с новорожденным на обряде обрезания. Выдержав полуминутную паузу, он поковырял в носу и продолжил:

— Зайдешь в канцелярию мэра, и скажешь его сплетнице — секретарше, что в раздолбанной развалюхе прославленный дед заныкал многомиллионный клад. Внук, мол, об этом ничего не знает... Только вначале возьми с нее клятву, что она никому не откроет тайну...

В глазах быстро соображающего парня появились искорки восторга.

Рассматривая выуженную из ноздри добычу на кончике пальца, Кугель продолжал инструктировать бускиловского протеже:

— И добавь, что кое-кто уже готов отвалить за нее вполне приличную сумму...

Гость испарился так быстро, что Кугель восторженно крикнул. Бускила знал, кого посылать...

А через пару дней домой к внуку прославленного деда приплелся старый варшавский маклер Велвл Фромович. Крепенько задолжав кредиторам, он сбежал в Палестину из Польши еще до того, как ее захватил Гитлер!

Прохиндей поставил в угол огромный посох с инкрустированным набалдашником, — таким, наверное, совершал по выходе из Египта свои чудеса Моисей, — и развел руками:

— Ваш дедушка — великий человек. Уж кто-кто, а Велвл Фромович сделает в память о нем для его внука все самое невозможное. Клянусь Богом!.. Я слышал, вы хотите продать свою развалюху?.. Вообще-то это, поверьте мне, дрек мит фефер*. Но мне известно, что муниципалитет собирается начать новый архитектурный проект. Вы, таки, можете в этом случае неплохо заработать. Ну, скажем, тысяч пятьдесят...

Помня наставления ученого метра, обретший, наконец, дар слова внук Отца Нации непреклонно покачал головой:

— Двести...

Старый маклер трубно высморкался в допотопный носовой платок.

— Только для вас: семьдесят пять!

Внезапная уступчивость ходатая удесетерила решимость обретшего надежду наследника. Из своего личного опыта Фромович знал: такого рода упрямство отчаяния преодолеть невозможно. Минут через пятнадцать, тяжело поднявшись с кресла, он сделал шаг к углу, где стоял его внушительный посох.

Обреченно махнув рукой в сторону неуступчивого продавца, он тяжело вздохнул.

— Вы — нелегкий клиент, но Фромович таких уважает. Я принесу вам вечером договор на сто пятьдесят от имени мэрии...

На следующее утро возле одноэтажной развалюхи был установлен высокий забор, а за ним заурчали и загрохотали строительные механизмы. По ночам работы тоже велись. Ими руководил близкий родственник мэра.

А через три дня вся эта таинственная активность прервалась также внезапно, как и началась. И по городу пополз гнусный шлейф самых невероятных слухов. А два амбала-мусорщика поймав вечером бускиловского протеже, избили его до полусмерти. Но обещанные Кугелем десять тысяч уже не жили в его тайничке.

В ответ на просьбы знакомых и коллег подтвердить, правдива ли вся эта, ставшая легендой, история, старый пройдоха загадочно ухмылялся и молчал. А мэр, понимая, что ему грозит, если вмешается пресса, срочно взял в банке ссуду и пополнил городскую казну на изъятие из нее сто пятьдесят тысяч долларов. Он был настолько умен, что забыл и о ней, и о Кугеле. И правильно сделал...

— Бенци, — обратился к Кугелю Менахем Бускила, пригласив его в рыбный ресторан в Яффо, — ты не акула, ты — кит!

— Менахем, — стрельнул в него шельмоватым взглядом Кугель, — киты едят мелкоту, а я предпочитаю рыб покрупнее. Таких как ты, например...

Оба с удовольствием и от души рассмеялись...

* шмок (идиш) — ругательное слово.

* вус-вус — презрительное прозвище европейского еврея.

* френк — презрительная кличка восточного еврея.

* бенци — парень

(фрагмент третий)

На Кугеля Маоз полагался как на самого себя. Вот и сейчас, прежде чем созвать своих ближайших советников, он решил переговорить со стариком. Чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, Маоз пригласил адвоката к себе домой.

Кугель у Маоза был впервые и, оглядывая апартаменты, изображал глумливое восхищение: цокал, покачивал головой, распахивал от умиления руки, одобрительно поджимал губы, почесывал висок...

Все здесь было рассчитано на то, чтобы бросаться в глаза и поражать. Высоченный потолок в зале на первом этаже, дорогая, белой кожи, итальянская мебель, старинная печь, облицованная мейсенскими плитками. До Второй мировой войны она украшала дом известного своими пронацистскими взглядами предпринимателя - немца.

— Мне нужен ваш совет, Бенци, — с ноткой торжественности в голосе начал Маоз.

— Как адвоката или гражданина? — с наивным видом спросил Кугель, сверкнув глазами из-под вышедших из моды еще до Первой мировой войны очков.

Маоз изобразил вынужденную улыбку.

— Наверное, вы догадались, — как адвоката...

— Так я и думал, — высморкался в огромный, словно половик, платок гость. — Гражданские достоинства сейчас мало кого интересуют. Не та на дворе эпоха.

Вступать с ним в пререкания Маоз не хотел. До прихода других участников назначенного им совещания оставался еще час, и он собирался использовать это время с толком.

— Бенци, меня беспокоит Дорон Розенталь...

— Кто-кто-кто? — изображая легкую глухоту переспросил Кугель.

— Дорон Розенталь.

Старик хрюкнул:

— Бес создал его не из того ребра, Азриэль. Когда после четырех тузов он хочет показаться честным и достает «шестерку», его сразу же ловят и бьют...

Махнув грязно-серыми лохмами, Кугель соорудил смешную гримасу, но лицо Маоза застыло.

— А что случилось?

Рыцарь сутяжничества бросил на Маоза мгновенный, все подмечающий взгляд и лукаво причмокнул:

— Что он еще натворил, этот шмок?

— К нему приходил полицейский следователь. Интересовался всем, что имеет отношение к продаже земель в Ган Эле.

Старый жох достал из кармана серебряную табакерку с нюхательным табаком, вздохнул, втянул щепотку одной ноздрей и обреченно чихнул. Грязно-серые его лохмы слегка колыхнулись. Уж он-то сразу усек, что беспокоит его высокопоставленного клиента.

— Вы хотите сказать, полиция интересуется, кто был инициатором изменения статуса земель в правительстве?

Достоинство это или недостаток, но старый сукин сын сразу улавливал в чем дело и, как рентгенолог, разглядывающий утробу пациента, называл вещи своими именами. Принятыми у его коллег кастрированными синонимами и иносказаниями он не пользовался.

— Бенци, — стукнул по подлокотнику массивного кресла Маоз, — Моя роль была чистой формальностью. Сказать вам, кто в кабинете министров был заинтересован в этом больше, чем я?

Кугель недоуменно тряс головой: зачем? Его что — пальцем делали?

— Вас подставили, Азриэль...

Маоз невольно поморщился. Он и сам знал это. Кугель почесал затылок. На засаленный воротник посыпалась перхоть. Исподтишка и как бы размышляя, он внимательно посмотрел на импозантного собеседника. Но тот угрюмо молчал.

— Ну, посадить вас даже в худшем случае никто не посадит, но карьере вашей крышка...

Маоз невольно отпрянул в кресле. Лицо его стало бледным, рот свело в напряженной гримасе.

— В том, что этот сучонок — френк вас продаст, можете не сомневаться, — покачал адвокат указательным пальцем и тут же осекся. — Это же надо было так опростоволоситься.

Чтобы скрыть свою неловкость, Кугель соорудил на лице умильное выражение.

— Только не примите это на свой счет. Вы же понимаете...

В другой раз Маоз разразился бы долгой и гневной филиппикой о расистских взглядах ашкеназийского истеблишмента. Но сейчас ему было не до этого.

— Что вы можете мне предложить?

— Ничего! — широко развел руками Кугель.

Со своими клиентами он был до жестокости откровенен, но никогда никого не предавал. Ему показалось, что массивное кресло, в котором сидел Маоз, вжалось в пол. Наверное, так чувствует себя человек, когда ему сообщают, что жить ему осталось всего несколько часов.

Внезапно лицо Кугеля озарила циничная усмешка.

— Впрочем...

Маоз дернулся. Кресло слегка дрогнуло.

— Впрочем — что?

Кугель сморщился, поглядел на Маоза снизу вверх, словно прикидывая подойдет ли ему этот костюм и, хитро прищурившись, спросил:

— Вы спрашиваете меня об этом как адвоката или как гражданина?

— Не морочьте голову, Бенци. Вы — мой адвокат... — нетерпеливо поежился Маоз.

— Гражданство нынче не в цене, — поковырял в носу Кугель.
— Хватит паясничать! — гаркнул, не на шутку разозлившись, Маоз. Не хватало только, чтобы такая засаленная мошка читала ему мораль.
— Тогда, — хохотнул Кугель, — выход есть.

.....